

СВЕТЛАНА ДАНИЛИНА

КОЛЛЕКЦИЯ ХАРАКТЕРОВ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

*Кварца
забывший
свой
Мир
забыл*

*от послухай...
из акл похиз...
Из глаза на у...
огофри». Кемат...
риво! В ори...
лаза не по...
на сл...*

*неф со- сказоч...
с т...
ни...
ср...
ветиду...
т...
буде...*

Светлана Данилина
КОЛЛЕКЦИЯ ХАРАКТЕРОВ.
Сборник рассказов

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63584112
ISBN 9785005196644*

Аннотация

Книга «Коллекция характеров» включает в себя несколько рассказов и повесть. Действие происходит на стыке XX–XXI веков в Латвии и России. Основное внимание сосредоточено на создании психологических портретов главных героев, наших современников, действующих в самых обычных жизненных ситуациях. Книга написана в реалистической манере, её отличают высокая духовность, занимательная манера изложения, оптимизм, тонкий юмор, ироничный взгляд на жизнь, богатство языка.

Содержание

КОЛЛЕКЦИЯ ХАРАКТЕРОВ	5
КОШЕЛЁК	6
ЛОВИСЬ, РЫБКА	13
ПОСЛАЛИ	26
ПРИВЕТ ДИККЕНСУ	34
GLORIA MUNDI*	47
ШЕКСПИР В КРУЖЕВАХ	59
Конец ознакомительного фрагмента.	66

КОЛЛЕКЦИЯ ХАРАКТЕРОВ

Сборник рассказов

Светлана Данилина

Дизайнер обложки Алдис Рускулис

© Светлана Данилина, 2020

© Алдис Рускулис, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-9664-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КОЛЛЕКЦИЯ ХАРАКТЕРОВ

(Сборник рассказов)

Впервые книга была издана в издательстве GVARDS (Рига, Латвия) в 2008 году.

Книга «Коллекция характеров» включает в себя несколько рассказов и повесть.

Действие в представленных в сборнике произведениях происходит во второй половине XX – начале XXI века в Латвии и России.

Основное внимание сосредоточено на создании психологических портретов главных героев, наших современников, действующих в самых обычных жизненных ситуациях.

Рассказы и повесть написаны в реалистической манере, их отличают высокая духовность, занимательная манера изложения, оптимизм, тонкий юмор, ироничный взгляд на жизнь, богатство языка.

КОШЕЛЁК

Менеджер преуспевающей фирмы Виктор Петрович Пупырышкин с утра приехал на работу. Он припарковал машину на стоянке и пешком отправился в офис.

Погода была отвратительной. Нет ничего хуже январской оттепели, когда накануне всё растаяло и потекло, а потом подморозило, и надолго установился гололёд, мерзкий и противный гололёд, когда невозможно ни проехать, ни пройти. А впереди ещё долгая-долгая зима, и снег, который, может быть, прикроет всю эту гадость, выпадет неизвестно когда.

С трудом лавируя на обледеневшем тротуаре, Виктор Петрович медленно продвигался к своей конторе.

Настроение было не самым лучшим. Во-первых, сегодня ему стукнуло ...не будем говорить, сколько лет, потому что сам В. П. эту цифру старался не вспоминать, так как она его, привыкшего считать себя молодым человеком, пугала. Во-вторых, приближался техосмотр. И доселе откладывавшийся ремонт двигателя становился всё более неотвратимым.

С такими мыслями о предстоящих материальных тратах, об уходящей молодости, о банкете в ресторане и о поздравлениях коллег продвигался В. П. к заветному зданию.

И как раз напротив родной двери на повороте его нечаянно занесло, и он хлопнулся со всего маху прямо на покрытый ледяной коркой асфальт.

– Тьфу!... – выругался он про себя и уже стал подниматься, как взгляд его остановился на лежащем рядом с ним бумажнике.

– Вроде не мой, – подумал он, встал и огляделся.

Никого не было видно.

– Интересно, – продолжал думать В. П., – никого нет. Возьму. Всё равно найдёт кто-нибудь другой. А так, может, документы какие-нибудь есть, координаты владельца. А может, и нет, – с надеждой подумал он. – Посмотреть разве что?

С этими мыслями он поднял ставшую вдруг вожаделенной вещь и стал разглядывать находку. Кошелёк был новый, чёрный, кожаный, аппетитно-толстый, очень респектабельный на вид. Чувствовалось, что принадлежал он солидному обеспеченному человеку: весь был какой-то самоуверенный и самодостаточный.

– Интересно-интересно, – тихонько приговаривая про себя, В. П. открыл портмоне.

Внутри было несколько отделений, и В. П. принялся перебирать их. В одном лежала целая куча разношерстных визиток, в другом были какие-то чеки, в третьем – доллары, в четвёртом – латы, в отделении под замочком звенела мелочь.

– Фью! – присвистнул В. П., прикидывая сумму, находящуюся у него в руках.

– Н-да... Головку блока поменяю точно, и на техосмотр хватит, – начал рассчитывать он, – да и Пашке хорошая ко-

робка «Лего» обломится.

– А может, это кто-то из наших уронил, – вдруг подумал он и испугался.

– Да нет же, нет, в нашем бабском коллективе и – мужской бумажник! И у охранников такой суммы с собой быть не должно. Если только кто из клиентов потерял. Да нет же, нет... В такую рань... Солидные люди... Без предварительного договора никто не придёт... Я бы знал... Да нет же...

В. П. медленно шёл к двери.

– Посмотрю, – думал он, с отвращением ощущая, как в нём борются два чувства: порядочности и радости от нечаянно свалившегося источника разрешения всяческих проблем.

– Если точно обнаружится настоящий владелец, отдам, – мысленно успокаивал он свербевшее внутри чувство долга.

В. П. уже взялся за дверную ручку, как услышал оклик:

– Эй, стойте!

– Хозяин вернулся. Придётся отдавать, – с тоской подумал

В. П. и оглянулся.

Но тут же успокоился.

Быстро приближавшийся к нему человек имел подозрительно бомжеватый вид. Он семенял белыми кроссовками по льду, куртка его была слишком лёгкой для зимы, на голову была натянута чёрная вязаная шапка, а на плече болталась спортивная и, как говорится в отношении старых вещей, ещё приличная сумка. Этот никак не мог быть владель-

цем подобного портмоне.

Дыша в заиндепевшую бороду, он кричал В. П.:

– Подождите!

– Что вам угодно? – холодно и надменно снизошёл до него В. П., подчёркнуто неторопливо поправляя кашне.

– Кошелёк. Это мой кошелёк, – запыхавшись, произнёс человек.

В. П. с неприязнью заметил оттаявшие капельки на волосках бороды и усов и с отвращением спросил:

– Какой кошелёк?

При этом он вспомнил Сададьского-Кирпича из «Места встречи», которое нельзя изменить. Но тут же отогнал эти неприятные ассоциации и продублировал более благозвучно:

– Какой кошелёк, любезный?

– Мой, – просто ответил человек.

– Ваш? – потянул паузу В. П.

– Ну да. Я его тут уронил, – нахально продолжал твердить владелец спортивной сумки, не сводя глаз с портмоне, которое В. П. крепко держал в руке.

– А чем вы можете доказать, что это ваша вещь?

– Да мой он, – твердил незнакомец. – Я шёл, поскользнулся, упал и пошёл дальше. А за углом обнаружил, что кошелёк-то выпал! – радостно продолжал он. – Ну, я назад. Смотрю, а он у вас в руках.

– Так дела не делаются, – с поучительной укоризной в го-

лосе сказал В. П., думая о том, что никто не мог видеть, как он поднял портмоне, и о том, что сам-то он, Виктор Петрович, также упал и тоже мог выронить кошелёк, если бы тот принадлежал ему. Отдавать деньги бомжу! Да ни за что.

– Надо доказать, что это ваш бумажник. Может быть, это мой кошелёк, – нагло сказал он, глядя прямо в глаза бомжу. – Или кого-то из наших сотрудников. Или какого-то клиента.

– Да что вы такое говорите! – брызгая слюной, закричал бомж. – Безобразие какое!

– Молчи, – тихо отчеканил В. П. – Что там внутри?

– Визитки. Деньги: доллары, латы, мелочь. Чеки, – надрылся человек.

– Сколько? Суммы! Какие визитки? Имена, фирмы? – сурово продолжал В. П., мысленно сопоставляя свою тираду со знаменитой фразой из арсенала киношного разведчика «Имена. Пароли. Явки».

Человек вдруг снял шапку, бросил её оземь и с отчаянием в голосе завопил:

– Да что же это такое! Отдайте кошелёк!

– А вот я сейчас охрану вызову, – строго и бескомпромиссно сказал В. П., начавший уже беспокоиться и о престиже родной фирмы, у дверей которой они находились.

Он твёрдо решил не отдавать бумажник бомжу. Ничего тот не докажет. А вещь эта явно украдена.

Про себя он отметил, что улица пустынна, вдалеке виднелись редкие прохожие, на него и его продрогшего визави

никто не обращал внимания.

– Думаешь, тебе всё можно! – с отчаянием сказал человек. – Отдай, это моё. Я в полицию пойду!

Тут дверь слегка приоткрылась, и из-за неё высунулось хорошенькое личико боссовой секретарши Мариночки. Она как-то странно и хитро улыбалась.

– Ну вот, только этого мне не хватало, – подумал В. П., представляя, как Мариночка распустит живописный слух по всей фирме. У него заныло под ложечкой.

Но бомж почему-то замолчал и поднял шапку. А дверь широко распахнулась. На пороге стоял весь трудовой коллектив. В руках находившейся в первых рядах главной бухгалтерши Елены Григорьевны красовался огромный букет красных роз в ярком целлофане, перевязанный белой закрученной ленточкой.

По взмаху Мариночкиной руки все громогласно заорали:

– По – здрав – ля – ем!!!

И дружно захлопали в ладоши.

В. П. оторопел.

Все захохотали и загалдели:

– Розыгрыш! Розыгрыш – лучший подарок!

В. П. растерянно улыбался, не зная, куда деть бумажник.

Потом стал натянуто подхихикивать.

Елена Григорьевна сунула ему букет. И вся честная компания направилась в апартаменты.

– Сволочи! – думал раскрасневшийся, расслабившийся

и облегчённо улыбающийся В. П., сидя в окружении счастливо галдящих сослуживцев за накрытым столом, в центре которого красовался двухэтажный торт.

«Телевизора насмотрелись! Радио наслушались! – твердил про себя В. П. – Юмористы...»

И он мысленно завернул непечатное определение.

– Портмоне – это подарок. А содержимое – премия. Шеф выписал. Он сам попозже придет. А актёр хорошо сыграл. Мы ему десятку заплатили, – пояснила Елена Григорьевна.

Виктор Петрович вконец успокоился и разулыбался. Лишь временами по ходу застолья он вспоминал недавний инцидент, смотрел на довольные лица сотрудников и думал: «Вот ведь гады! Узнаю, кто придумал – в порошок сотру».

ЛОВИСЬ, РЫБКА

Летним погожим днём, уставшим от жаркого, нещадно палящего солнца, утомлённым зноем и пылью, и потому благостно и умиротворённо клонящимся к вечеру, часов эдак около шести возле пруда, раскинувшегося широкими заводями на окраине деревни, остановился чёрный и наглый по своим размерам, покрытый просёлочной пылью, дышащий раскалённым от солнца железом, джип.

Он постоял несколько минут, словно запыхавшееся после долгой дороги животное, устало подумал и только после этого нехотя и медленно растворил дверцы.

И уже потом из него неспешно выползли одуревшие от продолжительного путешествия молодой человек и девушка.

– Хорошо-то как! – зашебетала девушка, с наслаждением потянулась и несколько шатающейся походкой утомлённого долгой дорогой путешественника пошла в тень деревьев, растущих у пруда.

– Да... Клёв здесь хороший! – ответил ей молодой человек и деловито открыл багажник.

После чего принялся доставать из него удочки, садок, пакет с рыболовными принадлежностями, консервную банку с червями и землёй.

– Эй! – призывно крикнул он. – Ты что там делаешь?

Иди – помогай.

– Иду-иду, – отозвалась девушка и пошла назад к машине на всё ещё горячий солнцепёк.

– Так, – наставительно сказал молодой человек, – ты понесёшь банку и пакет. Смотри – не рассыпь землю. Да, а тесто где?

– Где-то в пакете, – ответила девушка, аккуратно принимая в свои хорошенькие ручки железную консервную банку с грубыми, зигзагообразными, острыми краями на крышке и внутренней стороне.

– Точно? – поинтересовался ещё раз молодой человек.

– Ну да, – ответила девушка, – я сама его туда положила.

– Ладно, – успокоился её спутник, – а то смотри: ты виновата будешь, если забыла. Так, – сказал он, оглядевшись, – иди за мной, тут тропинка есть.

Девушка посмотрела ему вслед и вскрикнула:

– Ой!

– Что «ой»? – отозвался молодой человек.

– Там же крапива, – пролепетала девушка тоном, в котором было слышно, что не пойдёт она в эти страшные заросли.

Да ещё в коротеньких джинсовых шортиках и в топе. Да ещё с голыми руками, ногами, боками, животом и спиной. И что лучше уж она останется здесь, а молодой человек, если ему это так нужно, может лезть в этот ужас, который раскинулся вдоль тропинки, да к тому же и вырос выше его голо-

вы, сам, если ему так приспичило ловить рыбу именно здесь. А она лучше посидит где-нибудь тут, возле машины, любуясь на зеркальную, тихую воду, окружённую вётрами и этой ненавистной крапивой.

– Да ладно тебе, пошли! – энергично отозвался молодой человек, безапелляционностью тона давая понять, что ничего страшного не случится, если девушка осторожно вслед за ним пойдёт по тропинке к заветному месту.

Тем более что крапива – не повод для того, чтобы отказаться от вечерней рыбалки в том месте, где они с Мишкой в прошлом году наловили целый садок во-о-от таких карасей и куда они ехали целый час. И что ему некогда долго уговаривать её, и что вообще по жизни хозяин положения он и церемониться ни с кем не намерен.

– Пошли-пошли, не пожалеешь.

Девушка с неприязнью посмотрела на крапиву, на отвратительную банку с омерзительными червяками, которых они выкапывали в какой-то гадкой и зловонной навозной куче за коровником недалеко от деревни, на успевший уже испачкаться мизинец, на колечко с брюликами и на другое без брюликов, но очень миленькое, тяжело вздохнула и обречённо сказала:

– Ну хорошо, только ты иди вперёд и крапиву раздвигай по сторонам.

– Идём-идём, – молвил молодой человек и решительно двинулся вперёд.

Крапиву он раздвигал и приминал к земле исправно. И девушка, громко ойкая и взвизгивая, больше, однако, от страха и кокетства, а не от соприкосновения со жгучей травой, телепалась за ним по тропинке вдоль пруда. Они миновали пару овражков и вскоре оказались возле крутого спуска к воде.

– Ну вот, пришли, – сказал молодой человек удовлетворённо и пошёл вниз.

– А где же здесь сесть? – опешила девушка.

– А чего сидеть-то? Иди сюда, рыбу ловить будешь, я тебе удочку взял.

– Да я тут не спущусь на каблуках, – заканючила девушка, – ты же обещал, что я просто рядышком посижу.

– Ну вот, началось, – отвечивал молодой человек, – давай руку и спускайся.

Девушка ухватилась за протянутую крепкую руку и неуклюже сползла вниз к воде.

Кусочек берега был узким и неприятным. Сесть было некуда, за спиной росла крапива, впереди раскинулся «кишачий карасями» пруд, а под ногами лежали комья засохшего чернозёма.

Молодой человек нетерпеливо и с вожделением размазывал удочки. Их у него было две. Третью он, как истый джентльмен, припас для дамы, чтобы не ныла и не скулила, а занялась бы делом и не мешала ему таскать карасей, которых здесь немерено.

Молодой человек немножко подумал, с чего бы ему на-

чать. А после раскрыл банку, достал из земли симпатичного, по его мнению, аппетитного червя, насадил его на крючок и забросил одну удочку в воду. То же самое он проделал и со второй. После чего молодой человек несколько успокоился и, глядя на хорошо и бодро стоящие поплавки, благополучно, как ему казалось, предложил:

– Ну, бери червя, удочку, насаживай и забрасывай.

– Да ты что, – возмутилась девушка, – чтобы я взяла это в руки! Да я не умею и не хочу. Я лучше просто так здесь посижу. Только вот на чём?

Но тут поплавок дёрнулся, и молодому человеку стало не до глупых капризов. Он схватил удочку в руки. Поплавок ещё раз подпрыгнул, нырнул в воду и пошёл в сторону. Молодой человек выбрал момент и вытащил хороших размеров серебристого, сверкающего на солнце карася.

– Ну вот, – удовлетворённо сказал он и снял добычу с крючка, – давай садок.

Девушка, осторожно ступая по чернозёмным комьям, наклонилась, подняла с земли садок и подала его молодому человеку.

– О-о-ой! – тут же запричитала она. – Как рыбку-то жалко! Ей же больно! Давай отпустим!

Молодой человек посмотрел на неё, как на помешанную, взял садок, положил в него карася, пристроил садок на торчащий у берега, заботливо установленный другими рыбаками, толстый прут и принялся было насаживать червяка

на крючок, как подпрыгнул поплавок другой удочки.

– Держи, – быстро сунул он первую удочку в руку девушки, положил червя обратно в банку и вытащил другую рыбу.

– Вот это да, – восхищённо сказал он, – сейчас мы с тобой натаскаем!

– Бедная рыбка! – застонала девушка. – Зачем она тебе? Давай, как по телевизору показывают, отпустим.

– Так! – терпение молодого человека стало подходить если уже не к концу, то где-то к двум третям пути. – Или ты замолчишь, или распугаешь всю рыбу. Стой тут и не мешай, – сказал он резким тоном, забрал у неё удочку и занялся рыбалкой, то есть отвернулся и уставился на поплавки.

Девушке очень захотелось обидеться и уйти немедленно, снять колечки и серёжки, бросить их здесь, возле удочек этого хама и болвана, выйти на дорогу, поймать попутку и уехать в светлую даль, домой, в город, к маме и сестрёнке.

Но она была достаточно дальновидна и легко представила себя, одиноко продирающуюся сквозь крапиву, одиноко стоящую возле пруда на пустом просёлке, где в лучшем случае проедет какой-нибудь трактор с косилкой или молотилкой, или что там ещё к нему цепляют, и бредущую три километра в сторону шоссе на каблуках, и ловящую какую-никакую машину, и уговаривающую невесть какого шофёра довезти её до города, где она тут же с ним расплатится, потому что дома деньги у неё есть. Она чувствовала, что вряд ли молодой человек бросит ради неё свои удочки и побежит вдогон-

ку через крапиву. Это было маловероятно, поскольку характер он имел жёсткий и прямолинейный, на слёзы и капризы, она это уже знала по опыту, не реагировал.

Тем временем, пока она упоённо предавалась своим неведомым мыслям, молодой человек извлёк из пруда ещё пару карасей, настроил и забросил в воду третью удочку и пришёл опять в хорошее расположение духа.

– Ну, чего ты надулась? – сказал он примирительно. – Иди сюда, возьми удочку.

Девушка почему-то мигом отбросила все грустные мысли, взяла в руки удилище и уставилась на оранжево-полосатый поплавок каменным взглядом.

– Знаешь, какой расслабон! Сейчас вытянешь парочку рыбок, и всё хорошо будет, – поучал её молодой человек.

Поплавок слегка подпрыгнул.

– Так, подожди, сейчас карасик поиграет. Я скажу, когда тянуть.

Девушка несколько оживилась. Поплавок прыгал, а она смотрела на него.

– Тянуть? – выдохнула она, вдруг охваченная доселе неизведанным рыбацким азартом.

– Подожди... Ну! Тяни.

Девушка дёрнула удочку и вытащила рыбку.

– Молодец, – сказал молодой человек.

Девушка беспомощно подержала удочку над водой, потом стала перемещать её к берегу.

Тут у молодого человека запрыгали сразу оба поплавка, и он занялся своими снастями. Пока он снимал карася за карасём, девушка стояла в неловкой позе, держа свою рыбку где-то над крапивой и терпеливо ждала, когда молодой человек займётся её уловом.

– Ты что, не сняла до сих пор? – удивился он, забросив свои удочки в воду.

– Нет, – ответила она, – я не умею и не могу.

– Что значит «не могу»? – жестковато спросил молодой человек и принялся снимать карася с крючка.

– Не могу, не могу, – ворчал он.

– На, положи в садок, – протянул он девушке снятую с крючка, скользкую, широко раскрывающую рот рыбку.

– Ой, я не могу взять её, – почти заплакала девушка и спрятала руки за спину.

– Тьфу ты! – в сердцах сказал молодой человек и действительно плюнул наземь. – И чего ты сюда припёрлась?

По опыту зная, что с молодым человеком лучше не спорить, девушка примирительно пропела:

– Ну... Сашечка... Ну, ты же сам хотел, чтобы я поехала с тобой на рыбалку. Я сказала, что только посижу рядышком. Ну... Ой! У тебя клюёт! – вскрикнула девушка.

– Вижу, не кричи, – прошипел Сашечка и вытащил ещё одного карася.

– Ой, какой огромный! – почти закричала девушка.

– Ой! Смотри, ещё клюёт! – девушка старательно пы-

талась всячески показать свою живую заинтересованность в процессе рыбной ловли.

– Да закрой ты рот! – рассвирепел молодой человек, вытаскивая следующую рыбку. – Нельзя так орать на рыбалке. Всю рыбу распугаешь.

– Прости, я не знала, – пролепетала девушка и молча уставилась на воду.

Так она стояла довольно продолжительное время, пока её спутник упоённо ловил рыбу. Ему везло. Место было классное, клёв отменный. Карась шёл за карасём. И всё крупный, жирный, почти что лапоть.

Тем временем девушка устала. Устала стоять на каблуках, устала смотреть на воду, устала от необходимости молчать, устала от того, что всё время что-то не то и не так делает, устала от комаров, которые вдруг к вечеру с остервенением набросились на неё. Ноги под собой она уже не чувствовала. И решив, что раз уж ничего лучшего не предвидится, девушка опустилась на корточки. Облегчения новая поза ей не принесла. Сидеть на корточках на каблуках на узком перешейке между водой и крапивой было неудобно. Хуже того – ей было невыразимо скучно. А конца рыбалке не предвиделось.

Клёв тем временем несколько подзамедлился, и молодой человек мысленно отвлёкся от карасей.

– Ну, ладно, Веруль, ты не обижайся. Тут такое дело – азарт, инстинкт, добыча прёт, а ты кричишь как резаная! Так

нельзя. Давай я тебе тоже удочку настрою.

И молодой человек, насадив червя и забросив удочку в воду, передал её девушке.

– Лови.

И тут же отвлёкся, забыл и о девушке, и о её удочке, потому что у него опять пошли поклёвка за поклёвкой, и все удачные.

Веруля тем временем обречённо смотрела на свой поплавок.

«Вот так и будет всю жизнь, – мрачно думала она. – Все девчонки в модельном агентстве завидуют. Поймала богатенького Буратино! А каково с ним, с этим Буратино! Один нос чего стоит. А нрав».

Она горько вздохнула и вспомнила, как ещё год назад торговала в магазине овощами, и содрогнулась.

«Нет уж. Характер, как характер. Бывает и хуже. И жениться вроде серьёзно собрался. Ну, а нос... Если в профиль не смотреть, то вроде и не очень страшный. Подумаешь – нос, – она прихлопнула комара на шее и поправила цепочку с кулончиком. – Зато подарки дарит. А сестрёнка ещё маленькая, и мама на двух работах мучается, чужие квартиры убирает. А кого ещё найдёшь?».

– Да у тебя же клюёт. Тяни, растяпа, – услышала она у себя над ухом, вытащила удочку с рыбкой, да так неловко, что запутала леску в прибрежных кустах ивняка.

– Саш, – испуганно и тихо позвала она.

– Ну, что? – у молодого человека клевало, и он, не отвываясь, смотрел на прыгающий поплавок.

– У меня запуталось, – по-детски наивно сказала Веруля, предчувствуя недоброе.

– Подожди, – отмахнулся Саша, – сейчас поймаю и распутаю.

Поймать ему не удалось. Рыбка поиграла с наживкой и уплыла. Поплавок замер над водой.

Саша посмотрел на Верулю, на её удочку и завёлся по новой:

– Ты куда её тянула?

– Так с другой стороны ты стоишь, я бы тебе помешала, – начала оправдываться Вера.

– Сказать надо было. Вот ведь раззява какая!

– Я говорила, – промямлила девушка.

– Что ты говорила?

Веруля замолчала. Сашечка осторожно высвободил леску, снял карася и опустил его в садок.

– Ладно, – примирительно сказал он. – Не умеешь, и не надо. Давай тесто, а то на червя что-то плохо стало брать.

Девушка старательно дотянулась до пакета, раскрыла его, вытащила оттуда ком теста и протянула его Саше.

Саша принялся ловить на тесто. Карасям новая приманка понравилась, и клевали они хорошо. Молодой человек опять таскал одну рыбу за одной. Он был доволен. Давно не был на рыбалке, да ещё с таким уловом! Мишка треснет от зави-

сти. Но сам виноват, не поехал. Дела у него! Саша посмотрел на девушку. «Ну вот. Сидит несчастная, замёрзшая, оскорблённая. А так – вроде ничего. Жениться, что ли, на этой дуре? Вон – молчит себе в тряпочку. Другая бы уже поругалась А эта: „Сашечка, Сашечка“».

Вскоре молодой человек поймал себя на мысли, что уже темнеет, клёв прекратился и пора сматывать удочки.

Девушка шмыгнула носом. Вот этого молодой человек не любил.

– Замёрзла? – с опаской посмотрев на неё, перевёл он трагедию в другую плоскость.

– Угу, – согласилась с ним девушка. В конце концов, ей и на самом деле уже становилось холодно, а слёзы были ни к чему.

– Ну и хватит. Пошли к машине, – молодой человек сматывал удочки, вытащил из воды садок, сказал «ого!» и протянул его девушке.

– Понесёшь! Доверяю, – сказал он важно.

Потом он выбросил в воду тесто и остатки земли с червями, взял удочки и полез на пригорок. Оттуда он протянул руку девушке, вытащил её на тропинку и, раздвигая крапиву, пошёл к машине.

Девушка с садком, полным рыбы, послушно семенила вслед за ним, стараясь не окрапиться и радуясь тому, что экзекуция закончилась.

Высокая, покрытая пылью крапива, растущая вдоль до-

рожки, излучала тепло. Солнце уже село. Было торжественно тихо. А уставшая и притихшая природа блаженно отдыхала от дневного зноя.

ПОСЛАЛИ

– Борт полста четвёртый, заходите на посадку, – сказал Костик.

Рубашка на его спине была совершенно мокрой. Всю смену он занимался тем, что разгребал последствия трёхдневной нелётной погоды. Три дня подряд разверзались «хляби небесные», за сплошной дождевой завесой не было видно ни зги и аэропорт пребывал в наглухо закрытом состоянии. Так что их большой знаменитый остров, напоминающий на карте плывущую красивую рыбу, оказался как будто отрезанным от всего остального огромного и густонаселённого мира. Сегодня же наконец установилась вполне приличная лётная погода, так что диспетчерской смене пришлось очень туго: самолёты садились, взлетали, следовали мимо. И всеми этими разнонаправленными перемещениями надо было руководить и держать под неусыпным контролем.

Посадив борт, выжатый как лимон Костик оторвался от монитора и поднялся с кресла, уступив его своему коллеге.

– Теперь перекурим, разбор полётов и всё – домой, спать, – устало рассчитывал он.

– Привет! – вдруг услышал Костик голос бесшумно зашедшего в высокую стеклянную диспетчерскую вышку пилота Щеглова по прозвищу Щегол, данному ему за одуряю-

щую привычку без умолку щебетать обо всём на свете, выводя тем самым из себя позеленевшего и одуревшего от такого обилия быстрых и навязчивых звуков слушателя.

– Это что там у вас за тортик? – любопытствовал вездесущий Щегол, указывая подбородком на белую коробку, стоящую на столе.

– Да это Михалычу пилоты с материка привезли и передали. У него сегодня день рождения, – ответил Костик.

– А я на остров Н лечу, зашёл погоду посмотреть. Так как вы Михалыча поздравлять собираетесь?

– Ну, как – как? – стараясь быть осторожным и немногословным, чтобы не вызвать лишних ассоциаций и словоизлияний, начал Костик, – скинулись все на конверт и в ресторане потом посидим.

– Да, зря вы так, – энергично начал Щегол.

«Ну, всё, – подумал деликатный Костик, – началось, быстро не отвяжешься».

– Вот моего тестя на работе поздравили! Что Михалычу ваш конверт? Деньги... Ну, потратит он их потихоньку на жизнь, и никакой памяти не останется. Или будет сообщать, что купить. Могатся, искать, выбирать, свои кровные добавлять. А моему тестю – раз – и путёвку в Сингапур. Здесь недалеко. Доволен по уши! Не то что просто конверт! И мир посмотрел, и удовольствий – большое тёплое море.

«Вот ведь влип», – мучительно думал Костик.

– Слушай, Щегол, мне пора.

– Да, – вдруг остановился посреди фразы всегда слышавший только себя Щеглов, – иди. Слышь, ты устал, ещё разбор, а тут я со своей болтовнёй, – самокритично продолжал он.

– Да, – спохватился и повторился он. – Я тебя вчера видел. Ты что, холодильник купил?

«Тьфу ты, нелёгкая», – подумал Костик и вслух промычал:

– Ну да.

– Так, давай, рассказывай, какой, почём? – хозяйски продолжал неутомимый Щегол.

– «Индезит», – выдавил из себя Костик, мысленно сознавая, что ничем хорошим его ответ ему же и не светит.

– Зря, – с видом знатока важно сказал Щегол. – Если берёшь холодильник, то только «Шарп». Это марка, это бренд, это фирма. А всё остальное – так... ерунда. Вот я в прошлом году взял «Шарп». Большой, с вентиляцией, с нулевой зоной. Ты где покупал свой?

Костик, предчувствуя недоброе, мрачно произнёс название торгового центра.

– Да ты что! – живо заворковал Щегол. – У них же всё дороже. Надо было тебе со мной поговорить. Я всё это дело хорошо изучил. У меня знакомый есть. Он бы тебе агрегат по себестоимости, без торговой наценки устроил. Ну, ты, брат, лопухнулся! С умными людьми общаться надо! И за доставку, наверно, платил?

– Платил, платил, – ответил Костик. – Пора мне, Щегол.

– Ты в следующий раз советуйся, – поучительно сказал пилот.

– Обязательно, – облегчённо выдохнул Костик, направляясь к двери.

Но был остановлен догнавшей его пулемётной очередью вопроса:

– А это чья книжка на столе?

– Да Ручевского, кажется. Он в свободное время почитывает.

Щеглов плотоядно вертел в руках макулатурный детектив в тошнотворно яркой обложке с изображением кинконгообразного амбала, держащего наперевес автомат.

– Можно взять? – с азартным придыханием осведомился он.

– Спроси у хозяина. Он его, по-моему, ещё не добил.

– Жалко. А можешь, передашь ему, что я взял? Честное слово, прочитаю быстро.

– Нет, Щегол, так нельзя, – категорично сказал Костик.

– Ведь я все романы этого автора прочитал, а такой книжки ещё не видел. Новая, – сглотнул слюну Щеглов.

– Ручевский завтра отдежурит, к тому времени весь аврал рассосётся, добьёт он этот дюдик, а ты как раз с острова и вернёшься.

– Да нет, я сегодня к вечеру. Мне там пару часов перекаптоваться. А вот я недавно такой детектив прочитал!

– А я детективы не читаю, не люблю, – ясно и чётко, зная щегловскую привычку пересказывать всякую белиберду, произнёс Костик.

– Зря, брат. Там один парень вернулся из горячей точки, и на него началась охота. Самое главное, что в основе сюжета – реальные события. Адреналина – залейся! Так вот, представляешь, они вместе со своим другом, одни...

Костика замутило, и он поспешно взялся за дверную ручку.

Но не шитый лыком и уже привыкший к всеобщей бесцеремонности Щеглов вдруг напоследок вспомнил:

– А откуда тортик?

– ... рейсом привезли.

– Это же мой любимый! Я в детстве других тортов не признавал. Мне мама всегда только такой покупала. Вы таких и не видели! Я нигде ничего подобного больше не пробовал. Ваши московские с ними не сравнятся.

Последняя фраза окончательно проняла и добила бывшего мальчика с Красной Пресни.

– Да ты не переживай, – сказал Костик беззаботно, – их целую партию как раз в таёжный посёлок отправили в магазин. Пара часов у тебя есть. Там километра три, не больше. Правда, лесные дороги развезло после дождя. Но, может, попутку поймаете.

– Как же! Найдёшь её! Кто туда поедет после обеда? Ладно, схожу пешком. Ради любимого тортика моего детства ни-

чего не жалко!

– Счастливо, Щегол, – весело пожелал ему Костик и, покинув наконец рабочее место, побежал по лестнице вниз.

Прилетев в маленький островной аэропорт, Щеглов принялся разыскивать попутку, которой, конечно же, не оказалось.

Не найдя попутной машины, неустоимый пилот, тихо терроризируя всех встреченных им знакомых описанием вкусовых ощущений, производимых любимым тортиком, занялся поиском резиновых сапог, потому что перемещаться в ботинках на этом островке суши, затерянном среди сурового моря, можно было только по аэродрому.

Сапоги согласился уступить дедушка-сторож. Они были огромные, на три размера больше, чем нужно, и болтыхались на ногах Щеглова.

Дороги развезло неимоверно. Но пилот, увязая в коричневой жиже и с громким то ли хлюпаньем, то ли чавканьем вытаскивая из неё туго подающиеся и норовящие навеки увязнуть в островной грязи бахилы, упрямо шёл к таёжному посёлку, где в сельском магазинчике его ожидало гастрономическое счастье с кремовыми розочками. По сторонам дороги стояли вековые сосны. Заросли гигантских лопухов в человеческий рост раскинулись по обочинам. Тучи кровожадных, оглушительно жужжащих насекомых вились вокруг алчущего путника.

Он торопился. Через два часа надо было лететь обратно. Да и магазин должен был закрыться уже скоро. Щеглов очень боялся, что продавщица раньше времени повесит на дверь железный замок, и тогда ему придётся искать её дом, идти и просить, чтобы она снизошла, опять открыла заведение и вознаградила все его мучения любимым лакомством.

Он устал. Идти было тяжело. Жаркое летнее солнце светило прямо в глаза. Лицо быстро стало мокрым, красным и горячим. Впрочем, сам Щеглов от такого спорого темпа был таким же. Его успокаивала только мысль о вечернем душе и чае с куском любимого торта.

Вот вдаль показался посёлок, вот он стал приближаться, вот Щеглов миновал крайний дом с зелёным фронтоном, потом следующий – с голубым, потом ещё три дома и, в конце концов, увидел перед собой ядовито-синюю распахнутую дверь магазина. В проёме болталась белая тюлевая занавеска, призванная защищать помещение от мух и комаров.

Он долго удалял грязь с огромных опостылевших сапог, сначала очищая их о специальную железку, потом о зелёную яркую траву, потом гуляя по луже и, сочтя свою обувь приличной и достойной заведения, вошёл в прохладу магазина.

– Привет, красавица, – бодро и энергично провозгласил он и, не слушая процеженного сквозь зубы церемонного «Здравствуйте», оглядел прилавки и полки.

Нигде не заметив вожеленных белых коробок, он решил, что те, вероятно, находятся в подсобке.

«Ну, конечно, – быстро сообразил он. – Жарко, а там крем. Тортики надо хранить в холодильнике. А вдруг уже всё распродали?».

Щеглов испугался и тут же спросил:

– А что, тортики у вас ещё есть?

– Какие тортики? – недоумённо спросила продавщица.

– Ну, вам же завезли партию тортов с Большой земли.

– Ничего нам не завозили. Три дня дожди какие! Погода нелётная. Вы что-то напутали.

– Та-а-ак... Ну, тогда дайте мне бутылку минералки и пачку сигарет, – сказал Щеглов хрипло и закашлялся.

Расплатившись, он сунул пачку в карман, взял минералку и вышел наружу.

Обратный путь был ещё более отвратительным. С остервенением вытаскивая ноги из донельзя раскисшей почвы, Щеглов представлял себе здоровый гогот всего трудового коллектива аэропорта и страшно злился. Ему было обидно.

ПРИВЕТ ДИККЕНСУ

Я увидел её случайно. Кокетливая шляпка, белая лёгкая блузочка, плетёная летняя сумка в руках. Она ходила по магазину и выбирала продукты, складывая их в ярко-красную пластмассовую корзину.

Процесс был нелёгким и затяжным, потому что она останавливалась возле каждой нужной ей полки, подолгу смотрела на ценники, раздумывала, видимо, подсчитывая что-то в уме.

Я спешил. Поэтому ограничился тем, что пристально посмотрел на неё. Но она не отреагировала на посылаемые мною флюиды и увлечённо продолжала делать покупки.

А у меня было много дел. Не так давно я сменил бизнес. Прикупил земли недалеко от города в так называемом перспективном посёлке и занялся строительством.

Человек я требовательный и не позволяю своим работникам расслабляться. Ситуацию предпочитаю контролировать лично, пристально и дотошно. Словом, я спешил и времени у меня не было.

Когда через несколько дней я ехал по посёлку и опять увидел её, идущую всё с той же сумкой вдоль дороги, то принялся анализировать ситуацию. В первый раз я как-то поленился об этом подумать, мне было не до того. Да и мало ли знакомых лиц мы видим случайно в течение дня?

По всей видимости, у неё здесь дача. Та знаменитая дача, которую, по старинному студенческому преданию, в своё время построили для неё заочники. Один помог купить землю, другой организовал доставку блоков, третий – досок. Четвёртый перебросил бригаду строителей. Словом, с миру по нитке. Но насчёт «голому рубашка» – это другой вопрос. Это не о ней.

Её боялись, её ненавидели, перед нею трепетали, её уважали. В своё время она имела железный характер. Каждое её слово было значимо и веско, ей внимали, как дельфийскому оракулу. Авторитет её в институте был непререкаем. Автор учебников, профессор, энергичная стерва с апломбом. Одинокая старая дева. Уже тогда, двадцать лет назад, мы считали её старухой.

Нас она почему-то любила. Нас – это свою подопечную группу, где была куратором. Мы звали её Курицей, трепетали перед ней, сворачивали за угол, едва завидев на улице. Но в то же время чувствовали над собой некую опеку, защиту. Она не давала нас в обиду.

Я помню, как она буквально спасла меня, когда встал вопрос о моём отчислении из института. Я фарцевал чеками, которые привозил папа, работавший за границей. Однокурсники с удовольствием покупали себе на них джинсы и косметику. Помню партийное собрание, комсомольское собрание, гнусные речи осуждения, особенно из уст тех, от кого их меньше всего ожидал, потупленные глаза однокурсников,

одетых в те самые пресловутые джинсы, мамин стресс и валлидол по утрам. Наша стерва отстояла меня. Я был наказан по всем возможным и невозможным линиям, я был подвергнут самому жестокому и мерзкому остракизму. Но из института не вылетел. Благодаря нашей Курице.

Я не могу стереть из памяти букет роз, который вручал ей на подвернувшееся на тот момент 8 марта. Помню, что стыдился этого роскошного колючего букета; боялся и не знал, возьмёт ли она его вообще.

Она взяла. Но пересказав мне при этом по новой все партсобрания, наговорила столько интеллигентских гадостей, что я готов был сквозь землю провалиться. После встречи с ней я испытывал только чувство облегчения, что избавился от этого дорогущего веника. И в то же время понимал, что она вытащила меня из пропасти, из ямы; спасла судьбу, а может быть, и жизнь. Если бы не она, получил бы я автомат, надел бы сапоги и улетел куда-нибудь под Кандагар. А там – как судьба...

Говорить гадости она умела. Сверхинтеллигентная «брань», отборные, нашпигованные латынью, суперинтеллектуальные фразы.

Она произносила их спокойно, рассудительно, с каким-то садистским достоинством, заумным языком. По сути своей эти учёные слова были злы и хлётки, эффект имели жуткий.

Помню, как я вместе со всеми заорал «ура!», когда во время сессии нам сообщили, что она слегла в больницу. (Это

было задолго до моего падения и последующего спасения). На экзаменах она зверствовала по полной программе. Особенно не жаловала наших бедных девочек. Косметика, украшения, модные шмотки действовали на неё, как красная тряпка на быка. От маникюра и запаха духов она буквально сатанела. Студентки, шмыгая распухшими носами, пачками вылетали из аудитории, где уважаемая Маргарита Яковлевна принимала экзамен. Монашеский вид, зализанные и скатанные в пучок волосы, тёмные круги под глазами – это она ещё переносила. К парням она была чуть терпимее, но только чуть-чуть, самую малость. Сдать философию Маргарите Яковлевне с первого раза считалось подвигом.

Как мы радовались, когда спихивали этот злосчастный предмет аспирантке Людочке. Мы сдали его все и с первого раза. И на радостях забыли навестить курицу в больнице. У нас была сессия, нам было не до этого.

Теперь же я увидел действительно старуху с худым, обтянутым сморщенной кожей лицом, в нелепой шляпке и старомодной одежде, ещё довольно бодро ковыляющую вдоль дороги с сумкой в руках. В целом она имела достаточно благообразный вид. В городе я бы и не заметил её. Но здесь на пустой дачной улице она была на виду.

Я мигом вспомнил самый дешёвый батон, который она в первую нашу «встречу» положила в корзину, кусок сыра, отправленный ею после долгого разглядывания ценника на полку.

Тогда я проехал мимо на свою стройку, но в зеркало заднего вида заметил и запомнил дом, к которому она свернула.

Как мне стало жалко эту несчастную бабуку! И что действительно смешно, мне стало стыдно. Мне всегда было стыдно, когда я встречался с ней. В студенчестве я стыдился своей «пустой» головы. Хотя не такой уж она и была пустой. Но в присутствии Маргариты Яковлевны всем казалось, что они ничего не знают и не понимают. Я, как и все, чувствовал себя по меньшей мере ничтожеством. Потом я стыдился своих афер и того, что она снизошла до того, чтобы заступиться за меня. Теперь я стыдился своей машины, сделанной на заказ на немецком автозаводе, своего дома, рядом с которым её дача казалась унылой и маленькой, своих денег, заработанных своей же головой.

По большому счёту, все её философские премудрости вместе с моим институтским дипломом оказались абсолютно ненужными в реальной жизни. А вот продажа чеков стала первой ступенью моего нынешнего преуспевания.

Теперь каждую неделю в строго определённый день (для этого мною была выбрана пятница) я беру сумку с продуктами, купленными моей, как сейчас принято говорить, помощницей или экономкой. Оставляю машину на своей земле, где вовсю идёт строительство коттеджей. И отправляюсь к заветному домику.

– Здравствуйте, Маргарита Яковлевна, – стучу я в дверь, чувствуя себя эдаким Дедом Морозом.

Она уже ждёт меня, но всякий раз делает вид, что мой приход для неё несколько неожидан.

– Здравствуйте, Валентин, – откладывает она книгу и встаёт мне навстречу. Дверей на ключ она не закрывает. Я не знаю почему. Может быть, у них в посёлке так принято, а может быть, она просто ждёт моего прихода. Впрочем, всякий раз старушка искренне радуется мне.

Я чувствую, что являюсь единственным человеком, который действительно интересуется ею и навещает её. Но я усиленно делаю вид, что всего лишь один из многих визитёров в этом доме.

– Ждёте гостей? Я, наверное, совсем надоел Вам. Пустите поболтать? – начинаю я.

Она помогает мне лгать. И улыбается. И предлагает кресло. И усаживается напротив. Впрочем, радость её вполне искренна. Старуха очень одинока. Чувствуется, что она изголодалась по общению, по старым знакомым, по событиям, по информации. Я почему-то представляю себе её бессонные ночи, когда она думает о смерти. Однако я гоню от себя всю эту чушь и по мере своих возможностей стараюсь скрасить бабкино одиночество.

– Откуда? Как вы узнали? – обескураженно воскликнула она, увидев меня в первый раз на пороге своего дома. Тогда, кстати, дверь была заперта. Она открыла её на стук и, увидев и узнав меня, буквально просияла. А я в один миг почувствовал себя большим подарком – огромной коробкой в яр-

кой бумаге, перевязанной блестящей золотой ленточкой.

– Да вот, Маргарита Яковлевна, – бодро и сконфуженно начал я, – случайно проезжал мимо и вдруг увидел вас. Дай, думаю, зайду, навещу. Как вы? Что вы? Помните ли своих учеников? Прекрасно выглядите. А розарий у дома – загляденье. Аромат – на всю округу.

Я болтал всё, что приходило в голову, выставляя на стол коробку с пирожными, конфеты, фрукты.

– Чаем угостите? Я, знаете ли, привёз вам попробовать замечательный чай. Но одно условие – заваривать буду я. Знаю один секрет. Восхитительный вкус.

Ей никогда нельзя было заговорить зубы. Она всегда видела суть, напрочь отменяя всю мишуру. Но сейчас была откровенно растеряна.

– Да-да, конечно, чай, спасибо, пойдёмте на кухню. Но как вы меня нашли? Какой вы молодец, что навестили свою старую преподавательницу, – скокетничала она и засмеялась. – Каким вы стали! Помню худенького юношу с большими глазами.

Она как-то степенно суетилась, ставя на плиту чайник и доставая сервиз из старого буфета.

Я видел искреннюю радость и потрясение. Да и сам был немало взволнован и до глубины души смущён её восторгом по поводу своей ничтожной персоны.

Мы пили чай и говорили. Я рассказал всё, что знаю о ком-либо из нашей группы. Она живо вспоминала каждого, давая

ему краткую и меткую характеристику.

Старушка заметно сдала за эти два десятка лет. Но сохранила цепкий и проницательный ум, а ещё память. Похоже было, что судьба любого когда-либо знакомого человека ей действительно интересна.

– А как живёте вы? – выдавил я из себя, чувствуя, что невольно вторгаюсь во что-то личное.

– Как? – переспросила она.

И довольно горько и саркастично, но в то же время философски мудро сообщила об одиночестве и что-то о нестигаемости духа. О книгах и судьбе великих или просто известных, но оставшихся одинокими к старости людей.

Родной институт, которому она отдала всю жизнь, помыслы и энергию, забыл о ней. Старшее поколение коллег потихоньку вымирает. Молодёжь никого не хочет знать. Та же Людочка, которую она взрастила для науки, ставшая наконец профессором, звонит только по праздникам. И на том спасибо. Свою городскую квартиру бабушка давно продала. Её единственная подруга десять лет назад улетела с детьми за океан. О бывших студентах она ничего не знает. Семьи у неё никогда не было. Какая-то двоюродная племянница и та уехала в Германию.

– Я живу здесь, на даче. Воздух, природа, тишина. Видите, какие красивые у меня розы. Им уже много лет. Правда, лужайку перед домом пришлось сократить. Под капусту земли не хватило. Выращиваю, как Диоклетиан. И счастлива, –

улыбнулась она.

– А главное – у меня здесь книги, книги, книги. С ними никогда не соскучишься. А ещё Базилио, – она указала на толстого, ленивого, старого, рыжего кота, лежавшего в кресле и делавшего вид, что спит, однако, зорко следившего за мной чуть приоткрывавшимся иногда зелёным глазом.

Я дотянулся до него, чтобы почесать ему пальцем за ухом, но кот резко открыл глаза и с неприязнью отстранился. Было видно, что я его напрягаю. После моего поползновения он с укоризной посмотрел на хозяйку, дескать, навела тут всяких.

Впрочем, через пару-другую визитов он ко мне привык.

Я бываю у Маргариты Яковлевны каждую неделю. Сумка с продуктами (крупами, колбасами, паштетами, сырами, пирожными, конфетами, фруктами и прочей снедью, рассчитанной на неделю) – неременный атрибут моих визитов. У неё маленькая пенсия. И я не могу забыть кусок сыра, оставленный ею на магазинной полке. Сначала она очень протестовала и возмущалась, и не брала, и пыталась отдать сумку обратно. Но я настаивал и мямлил что-то о том, что не могу ходить в гости с пустыми руками, нежданно-незванно.

– Как нежданно? Как незванно? Я очень рада вашим визитам. И жду их с нетерпением.

Кот тоже ждёт меня. Или банку с кошачьими консервами. Не знаю. Но встречает он меня у калитки и эскортирует

до кухни.

Маргарита Яковлевна печёт яблочную шарлотку к чаю по пятницам. Я уже дважды незаметно извлекал из своих кусков седые волосы. Но каждый раз, скрывая брезгливость, я ем этот пирог и слушаю.

Старушка говорит. О политике, об истории, о философии, об искусстве, музыке, природе, психологии, этике, погоде, о своём любимом Шопенгауэре. Иногда она начинает цитировать его и автоматически переходит на немецкий язык. Я слушаю и киваю. Однажды на одной особенно длинной немецкой фразе я нечаянно клюнул носом. Она рассмеялась:

– Простите, я забыла, что вы не знаете немецкого.

Неизвестно почему, но я вдруг вырос в её глазах. В студенческие годы был тупым и серым, а теперь стал равным собеседником. Она давно забыла свой менторский тон и говорит со мною так, будто я всё ею излагаемое прекрасно знаю.

Вообще, меня не покидает мысль, что она готовится к встречам со мной, как когда-то готовилась к лекциям. Подчитывает литературу, делает кое-какие пометки и записи, а затем иногда озвучивает их. Я, как исправно работающее приёмное устройство, слушаю и даже вставляю какие-нибудь замечания в основном житейского характера. Она принимает их с неподдельным интересом.

Я вижу, что хоть чем-то наполнил её жизнь. И сознание этого даёт мне чувство облегчения.

А ещё она очень боится показаться жалкой. И всячески

держит марку. С помощью друзей в лице Канта и Фейербаха ей это удаётся.

Я, со своей стороны, тоже боюсь. Боюсь того, что она увидит мою жалость к ней. И изо всех сил интересуюсь умными немцами. Мне даже пришло в голову засадить свою секретаршу за изучение теории Швейцера. Бедная девочка добросовестно проштудировала и тезисно в письменном виде изложила мне взгляды мыслителя на философию культуры. Особо блистать я не старался, но уважение вызвал. В то же время я не забываю ненароком починить неработающую розетку и текущий на кухне кран.

О себе я стараюсь не говорить.

– Вы ездите сюда каждую неделю! – сказала она в начале нашего «романа». – Тратите время и бензин. А этот паёк, – она указала на сумку. – Мне очень неудобно.

Ей действительно стыдно получать подачки. Но я же делаю это просто по доброте душевной, которой к тому же и стыжусь. И она тонко чувствует это.

– Уважаемая Маргарита Яковлевна! Я не умею ходить в гости с пустыми руками. Поверьте, для меня это вовсе необременительно, – оправдываюсь я с видом провинившегося школьника. – Я просто здесь работаю. Управляющим. На стройке.

И я сочинил историю о богатом друге, купившем землю и развернувшем здесь строительство. Переступить через себя и сказать, что это моё, я не могу.

– Что вы понимаете в строительстве? – спросила она.

– Всё, – ответил я.

– Вы учились этому?

– Нет. Просто мой друг знает, что я честный человек.

– Да, – это самое главное, – согласилась она.

Через пару пятниц Маргарита призналась, что, прогуливаясь, видела мою стройку. Дальше она замялась. Из этого я понял, что тоже попал в поле зрения. Из чего догадался, что старая инквизиторша не очень-то верит в мои байки про работу управляющим. Я понял это по случайному взгляду снизу вверх, которым иногда смотрят на меня мои работники. Как я его не люблю!

Но она быстро преодолела это неведомо откуда взявшееся смущение.

– Ну, а что ваша семья? Ведь вы завели семью на последнем курсе. И чуть было не бросили учёбу.

Да, и это имело место в моей жизни. Если бы не она, я бросил бы институт, не написав диплома. Но Маргарита буквально принудила меня к этому. Железной и властной рукой. Я до сих пор благодарен ей за ту мастодонтскую настойчивость на грани насилия. Хотя что мне проку от этого диплома?

– Семьи уж нет, – говорю я.

Она не охает и не лезет с вопросами. И всё-таки я понимаю, что некоторые разъяснения ей нужны.

– Мы развелись. Давно, – я предельно лаконичен, потому

что не люблю говорить о себе.

Впрочем, как и она. Кант, Фейербах, Шопенгауэр, Ницше и Швейцер тут просто незаменимы.

– Дочка учится в Англии, – добавляю я, понимая, что этого не обойти.

– Вы достаточно обеспеченный, интересный, добрый и увлечённый своей работой человек, – неожиданно делает вывод она.

И я вдруг осознаю, что ничего постыдного в этих пятничных свиданиях нет. Ведь езжу я сюда не только для того, чтобы помочь старому бедному человеку и скрасить его жизнь вниманием и заботой. Одинокая старость – это и мой страх. А бабушку мне просто жаль. Тем более, что лет на двадцать почти забыл о её существовании. Но я ей благодарен. И беседовать с ней мне приятно и интересно. Ведь каждый раз своей лекцией она возвращает меня в мою юность. Да и к рыжему коту я как-то привязался.

GLORIA MUNDI*

Студент консерватории Саша Пучков отправился на репетицию. Так он называл ежедневные упражнения у парадного подъезда особняка на центральной проходной питерской улице. Студент любил погожими летними днями совмещать нужное с приятным и полезным. Во-первых, он действительно часами репетировал, не досаждая соседям по хрущёвке, а во-вторых, зарабатывал какие-никакие деньги.

Студент установил пюпитр, разместил на нём папку с нотами, достал скрипку, положил открытый футляр на землю и начал, как положено, с гамм и упражнений.

Потом он играл с листа, разучивал новые вещи, вспоминал свои любимые произведения. Народ шёл хмурый и озабоченный, деньги бросал вяло и нехотя, в основном мелочь. Оживление наступало при появлении группы туристов, страшно раздражавших своими любопытством и назойливостью, но, однако же, оставлявших немного больше, чем просто прохожие. Впрочем, Саша старался не обращать внимания на публику, играя для себя.

«Интересно устроен мир, – думал он. – Когда играешь дома, тебе стучат в стену, требуя прекратить, А когда делаешь то же самое, но на улице, люди проявляют интерес и платят деньги. А если на сцене – то ещё больше интереса и ещё больше денег».

Этот философский поток сознания вместе с темой из Паганини был вдруг прерван.

– Эй, миннезингер! Слышь, братан, дело есть.

Перед студентом стоял коротко подстриженный качок с толстой шеей в чёрном костюме и белой рубашке.

– Телохранитель, – усмехнулся про себя студент, – и печать на лоб ставить не надо, и так всё видно.

– Хорошо играешь, – качок положил в футляр приличную купюру.

– Тут такое типа дело, – продолжал он, – у нашей фирмы как бы юбилей. Послезавтра будет презентация. Мы в этом доме находимся. У нас тут свои как бы дела, – он с трудом подбирал слова, мероприятие называется «150 лет»... типа... дома.

При этих словах студент внутренне напрягся.

– Ну, так вот, – продолжал качок, – шеф просил договориться чисто насчёт музыки. Послезавтра в шесть. Сможешь?

– Смогу, – сходу и легко согласился Саша.

– Ну, вот и хорошо. Если найдёшь ещё кого, там типа для дуэта, будет ещё лучше. А если инструмент какой почудней – ну там арфа или контрабас – совсем хорошо.

– Арфы нету. Флейта будет. Устроит? – по-деловому ответил студент.

– Ладно, давай флейту.

– О'кей, – ещё легче ответил Саша.

– Насчёт оплаты не сомневайся. Не обидим. Денег типа дадим, довольны будете оба. Только вот что, – качок подумал и продолжал. – Надо, чтобы вы были во фраках. Ну, а если баба, – то в вечернем платье. Но чтобы тёмного цвета. Усёк?

– Бабы не будет. Фраки найдём, – бодро сказал Саша.

– Репертуар играй свой. Шефу нравится. Мы тебя давно заметили, – улыбнулся качок.

– Договорились – послезавтра в шесть, – сказал студент и поправил ногой футляр, случайно сдвинутый качком с места.

– Вы пораньше приходите. Ну, там в половине шестого. Охране внизу скажете, что к нам. Вот моя... как бы... визитка, – качок протянул помпезный кусочек картона, украшенный виньетками, – поднимайтесь на второй этаж. Ну, до послезавтра. Ждём.

– До послезавтра, – спопугайничал музыкант и принялся разглядывать визитку.

Потом он отыграл свой положенный час, собрал выручку, убрал скрипку в футляр, сложил пюпитр и пошёл на перекрёсток к светофору. Перейдя дорогу, он направился в кафе, которое находилось как раз напротив парадного подъезда дома, возле которого он играл. Вскоре к нему подошёл друг и соратник по искусству Гоша, репетировавший в соседнем квартале, учившийся вместе с ним, да к тому же и живший в одном доме с Сашей.

Нужда, в хорошем смысле этого слова, гнала их обоих

на улицу. Соседи плохо переносили Гошину флейту на пятом и Сашину скрипку на третьем этаже.

– Привет, – сказал Гоша, – как оно?

– Привет, – ответил Саша, – нормально.

После репетиции друзья имели обыкновение пить пиво под зелёно-полосатым зонтиком уличного кафе. Только после этого священного ритуала они ехали домой.

– Слушай, – сказал Саша, – нам тут работу предложили.

– Чего хотят? – поинтересовался Гоша.

– Послезавтра в шесть надо поиграть на какой-то корпоративной фигне. Вон в том доме. Обещали не обидеть.

– Здорово, денег срубим. А ты чего такой кислый?

– Да так, думаю, – неопределённо ответил Саша.

– О чём думаешь?

– Понимаешь, тут такое дело... Я вообще-то не хотел говорить. Словом, не сочти меня за идиота, – сбивчиво начал Саша.

– Не тяни.

– Этому дому – сто пятьдесят лет. Вон, видишь на фронтоне – год строительства.

– Ну?

– Ну вот, а бюст на стенке видишь?

– Да говори уж, – не выдержал Гоша.

– Так вот, это мой пра-пра- не знаю сколько раз дед.

– Ни фига себе, – присвистнул Гоша.

– Это мой дом.

– Да?

– Ага.

– Ты таким тоном говоришь, как будто на приступ пойдёшь. Ты его что, отнимать собрался?

– Ничего я не собрался, – ответил Саша. – Просто тут фамильная история. Я там и не был никогда, и узнал-то недавно.

– А как узнал?

– Бабушка рассказала. Всю жизнь молчала. А за год до смерти разговорилась. Когда скрывать стало не нужно. Там жуткая история. Не хочу о ней.

Но Гоша заинтересовался и попросил:

– Может, расскажешь?

Саша вздохнул и нехотя начал:

– Бабушка тогда маленькой была. Лет пять. Они после революции еле спаслись со своей матерью. А отца казаки зарубили. Подъехали с красными повязками и начали стучать в дверь. Он сам и вышел. Поговорили, и они его прямо по голове шашкой. Он упал. Кровь. Крики. Бабушка с матерью в окно всё видели. Мать её сразу в охапку и вместе с прислугой – к чёрному ходу. Бежали, в чём были, даже документы не взяли. А там на какой-то телеге – в глухую архангельскую деревушку к прислугойной родне. Так они и спаслись, там и жили. Всё по Пушкину: была столбовая дворянка или кто там, а стала простая крестьянка. И золотая рыбка не потребовалась.

Гоша молчал, не зная, что сказать.

– Слушай, – вдруг ошарашенно протянул он, переводя взгляд с бюста на доме на Сашино лицо, – а как ты на этого мужика со стенки-то похож!

– Они с отцом моим – как две капли воды. Одного возраста... и вообще. Нам бабушка как показала – мы обалдели.

– А у вас документов никаких не сохранилось? – спросил Гоша.

– Да ты что! Я же говорю – они чудом спаслись. И постарались всё забыть и никому никогда ничего не рассказывали, даже своим. И фамилию поменяли. Никаких следов.

– Кроме фотографического сходства, – отметил Гоша, не отводя взгляда от дома.

– Гены в камне, – философски заметил Саша.

– Но, наверно, в архиве можно что-то найти?

– А зачем? Возвращать его себе, что ли?

– Да... С семнадцатого года нога хозяина тут не ступала.

– Послезавтра ступит. Да я – ничего, – поспешно сказал он, – просто так, свербит что-то. Где фраки-то найти? – вернулся он в реальность.

– А напрокат возьмём. Пойдём – я знаю одно место.

Музыканты поднялись, взяли свои инструменты и отправились за спецодеждой.

В назначенные день и час молодые люди в чёрных фраках и белых манишках стояли у парадного подъезда.

– Так вот, почему ты у этого дома играешь, – догадался

Гоша.

– Я только у парадного никогда не стою. Это где-то здесь произошло. А как сюда входят? Всё закрыто. Кода не знаем.

– Ты хозяин – тебе видней, – съязвил флейтист. – В телекамеру улыбнись – может, откроют.

Саша нажал на первую попавшуюся кнопку кодового замка.

Никакой реакции не последовало.

– Ну чистый Некрасов, – сказал он, – посетители у парадного подъезда. Ты не помнишь, что там с ними случилось?

– Завернули их, – вздохнул друг, – «и пошли они, солнцем палимы».

В замке наконец что-то щёлкнуло, дверь открылась, и на пороге возник массивный и неприветливый охранник.

– Вам чего? – грубо и коротко спросил он, разглядывая юношей во фраках.

– Мы на презентацию. Вас что, не предупредили? – Саша достал визитку и прочитал название фирмы и имя качка.

– Сейчас выясним. Заходите.

Ребята остались стоять у двери, а страж куда-то позвонил.

– Всё в порядке, – сказал он важно. Можете идти, только покажите, что у вас там, – и он указал на футляры.

– Инструменты, – оскорблённо ответил Гоша.

– Слышь, Моцарт, ты не обижайся. Я должен проверить. Работа у меня такая. Открывай давай!

Озираясь по сторонам, музыканты открыли футляры.

Охранник осмотрел скрипку с флейтой, успокоился и коротко сказал:

– Идите. Второй этаж.

И друзья медленно пошли наверх.

– Порядочки. Спасибо, карманы не выворачивал, – саркастично, но тихо процедил сквозь зубы Гоша, поднимаясь по лестнице. Как тебе родовое гнездо?

– Что-то уж очень хмурое, – вертя головой направо и налево, ответил Саша.

На втором этаже их опять ждала закрытая железная дверь с кодовым замком. Саша нажал кнопку звонка, и дверь довольно быстро открылась.

На пороге стояла миловидная запыхавшаяся девушка.

– Здравствуйте, – церемонно поприветствовали её музыканты.

– Проходите, – сказала девушка, не здороваясь. – Сейчас подойдёт Павел Николаевич.

Тут же показался качок. Девушка убежала.

– Привет, менестрели! – опять продемонстрировал он недюжинный словарный запас.

Потом Павел Николаевич пристально оглядел молодых людей и остался доволен их внешним видом.

– Нормально, – удовлетворённо сказал он, – проходите и можете начинать... типа... как бы... разминаться.

Ребята смотрели по сторонам, не зная, где им предполагалось находиться.

– Так, – продолжал распоряжаться качок, – будете стоять вон там – в углу, под пальмой. У окна. Играть всё время! Не пить! Вести себя прилично! Расплатимся в конце. Лады?

– Всегда готовы, – отрапортовал Гоша, и друзья пошли в свой угол под пальму.

Они положили футляры на специальный столик, установили пюпитры и принялись настраивать инструменты.

Зал был большим, светлым и просторным. Под потолком со старинной лепниной висели американизированные гирлянды разноцветных, хитроумно сплетённых воздушных шариков. У длинного стола, уставленного бутылками, тарелками с закусками и подносами с бокалами, сновали вышколенные официанты. Чувствовались суета и некоторая напряжённость перед торжественным событием.

В шесть двери распахнулись. Начала собираться публика.

Мероприятие было пышным и многолюдным. Звучали речи. Приглашённые тусовались у шведского стола, бродили по залу с бокалами, болтали и смеялись.

Немного опоздав к началу, приехала журналистка с оператором и долго выбирала место для съёмки, а потом сделала несколько дублей репортажа на фоне музыкантов под пальмой.

Ребята играли в своём углу дуэтом и соло, непринуждённо иллюстрируя происходящее. Начали они с Вивальди, затем перешли к Скарлатти, затем к Доницетти, потом остановились на Моцарте. В конце вечера подвыпившая публика, за-

быв о теме мероприятия, потребовала концерта по заявкам. И флейта со скрипкой к всеобщему удовольствию исполняли «Таганку», «Мурку» и «Владимирский централ».

Все остались довольны. Когда приглашённые разошлась, в уже опустевшем зале к уставшим музыкантам подошёл чок и доверительно сказал:

– Молодцы. Шефу понравилось. Спасибо, ребята. Будем иметь вас в виду на будущее.

С этими словами он протянул им конверт. И ребята действительно остались довольны заработанной суммой.

Им предложили выпить, и они пропустили по рюмашке, закусив бутербродами.

Потом студенты взяли свои инструменты и пошли к выходу.

– Ну, как тебе родные пенаты? – опять поинтересовался Гоша, для того, чтобы что-то сказать.

– Не греют, – коротко и без энтузиазма отозвался его друг, спускаясь по лестнице, и вдруг замер.

– Полинка, – растерянно произнёс он и указал на барельеф в вестибюле над дверью.

– Ага, – протянул обалдевший Гоша, – как это мы её сразу не заметили?

– Да халдей этот привязался, – отвлечённо сказал Саша, разглядывая каменный профиль неизвестно сколько раз прабабки.

Так они и стояли, молча созерцая скульптурный портрет

и никак не комментируя сходство Сашиной старшей сестры с барельефом.

– Ну, семейка, – тихо присвистнул Гоша.

– Эй, лабухи! – раздался недовольный голос охранника. –

Посмотрели и пошли. Хватит тут крутиться.

– Да скажи ты ему! – возмутился Гоша.

– Молчи, – тихо отозвался Саша, – пойдём.

Дверь за ними закрылась, и они пошли по ночной улице по направлению к метро.

– Да, красивый у вас дом был, – задумчиво констатировал Гоша. – Некрасов не с него стихотворение написал?

– А кто его знает? Но у него всё было хуже – там посетителей просто прогнали, а нам и заработать дали, и угостили, и перспективу пообещали, и ещё спасибо сказали, – произнёс наследник-инкогнито. – Хорошо, что бабушка не дожидала до этого. Она бы очень расстроилась.

Тут молодые люди вошли в метро и стали спускаться на эскалаторе вниз.

– А может, так и надо? – на манер Васисуалия Лоханкина рассуждал Саша. – За чьи-то грехи отдуваюсь? Может, предков этого халдея от парадного когда-то турнули, а теперь он меня... Хотя... как я отдуваюсь? Прадеду – вот досталось!

– Философствуешь? – спросил Гоша.

– Вот тебе и *gloria mundi*, – задумчиво произнёс Саша.

– Ничего не поделаешь, проходит, зараза, – откликнулся его друг.

Тут подошёл поезд, и музыканты поехали домой.

**Sic transit gloria mundi* (лат.) – Так проходит слава мира.

ШЕКСПИР В КРУЖЕВАХ

(рассказ для дамского журнала)

– Попробуем так! – сказала Ленка и эффектно прыгнула с тумбы в голубую воду бассейна.

Здесь всегда было тепло, как в оранжерее, пахло хлоркой, но вода всё равно манила, освежала и вдохновляла.

Ленка прыгнула в воду, а дальше... А дальше были сказка и песня одновременно.

Она стремительно плыла роскошным баттерфляем, мощно рассекая воду каждым великолепным гребком и броском, красиво выныривая, нестандартно, с одной ей присущей пластикой изгибаясь всем телом и слегка выставляя из воды краешек попки, обтянутой чёрным купальником.

В бассейне она чувствовала себя как рыба в воде, впрочем, как и за рулём на дороге, впрочем, как везде и всегда.

В нашем тандеме Ленка была красавицей, а я – умницей. Моя подруга являла собой хрестоматийную яркую длинно-волосую и длинноногую блондинку со всеми модельными атрибутами. Я же была стандартной серой мышью.

В отличие от моей, Ленкина голова представляла собой абсолютно девственную субстанцию, не отягощённую всякой ненужной дрянью.

Я, проснувшись среди ночи, могла совершенно спокойно

воспроизвести теорему Ферма или назвать подлинное имя Эль Греко – Доменико Теотокопулли.

Ленка же за какую-то неполную пару лет учёбы в гуманитарном вузе совершенно разучилась производить любые операции с цифрами. Я подозревала, что умножить 7 на 8 представляло для неё ужасную проблему. Во всяком случае, когда дело доходило до подсчётов, она вопросительно смотрела на меня, хотя и делала вид, что шевелит извилинами. Но ответа никогда не давала.

В то же время у неё был колоссальный комплекс неполноценности. Надо было видеть, с каким апломбом и уверенностью она спорила о вещах, абсолютно ей неведомых, о которых она когда-то где-то что-то слышала краем уха.

Я же со своим комплексом неполноценности, прекрасно зная истину, предпочитала придерживаться позиции «Как вам будет угодно» в отношении своего собеседника. Я считала, что от того, что я не докажу кому-то, что трава зелёная, а не синяя, ничего в мире не изменится и трава останется зелёной.

Ленка звала меня Брокгаузом, а иногда Эфроном (точнее, Ефроном), хотя я сама и не была такого высокого мнения о своём интеллекте. Зато факультет, на котором я училась, Ленка называла неприличным для девушки, хотя бы потому, что девушки там не учатся, если не считать ещё нескольких таких же дур, как я.

В бассейне мы худели к лету. Плавали (благо в детстве

не один год занимались этим видом спорта), сидели в бане, а потом опять плавали.

– Посмотри, какой душка, – вдруг шепнула мне Ленка, когда мы выползли из парилки и направились к воде, – на пятой дорожке в углу.

– Да, душка, – без интереса констатировала я, посмотрев в угол пятой дорожки.

– А мне нравится, – сообщила Ленка, осторожно спускаясь по лесенке в воду.

– Что это с тобой? – я тоже погрузилась в воду, и мы поплыли свой третий километр.

Удивление моё было вполне закономерным. Дело в том, что Ленке никогда никто не нравился. Она страдала нарциссизмом, была безумно влюблена в себя и смотрела на молодых людей, окружавших её, весьма критически и очень свысока.

Она буквально подавляла своих поклонников, во-первых, красотой (а моя подруга действительно была красива), а во-вторых, волевыми качествами. За ней всё время мотался какой-нибудь Вадик, носивший её зонтик, что-то державший в руках («Вадик, поддержи!»), что-то уточнявший («Вадик, какое сегодня число?»), посылаемый за чем-нибудь («Вадик, принеси журналчик!»), плативший за кофе и булочки, и, в конце концов, исчезающий и заменявшийся очередным Владиком, Стасиком, Вовиком.

Ленка потребительски и пренебрежительно относилась

к своим кавалерам. Они же, привлечённые её резкой красотой и слетавшиеся на неё, как бабочки на благоуханный цветок, в конечном итоге на Ленкином фоне терялись и под напором её мощной энергетики превращались в совершенные тряпки, расфутболиваясь затем в разные стороны. Ленка же страдала от одиночества в окружении тех, кто ей не нравился.

В отличие от Ленки, мне непроходимо не везло с поклонниками, несмотря на изобилие молодых людей в моём окружении.

– Ты распугиваешь их своим дурацким интеллектом! – говорила она мне.

– Почему? – недоумевала я.

– А потому, что в то время, как все нормальные девушки весело щебечут о тряпках, о последних голливудских фильмах, о сплетнях из мира шоу-бизнеса, ты... из тебя прут какие-то комментарии к теории относительности, – учила меня жизни Ленка.

– Ты ничего не понимаешь! – горячо возражала я. – Ведь это же так интересно! И говорю я вроде нескучно.

– Ты лучше молчи, – отвечала она. – Молчи и хлопай ресницами.

– Тебе хорошо говорить, – оправдывалась я. – С твоей мальвинообразной физиономией это можно себе позволить. А мне и хлопать нечем.

– Ну, нечем так нечем, – соглашалась она с неопровержи-

мым фактом. – Но уж лучше язык, как старик Эйнштейн, показывать, чем нести весь этот бред. Больше толку будет!

Я вздыхала и молчала, понимая, что она права.

Наплававшись, мы опять отправились в баню.

– Что-то он на меня не смотрит, – удивлённо констатировала привыкшая к всеобщему вниманию раскрасневшаяся Ленка, сидя на полке сауны.

– Успокойся, – ответила я, – у тебя послезавтра зачёт.

– Знаешь, на кого он похож? – не унималась она.

– На кого? – устало поинтересовалась я.

– На Шекспира, но без усов, бороды, кудрей и кружевного воротничка.

– И в резиновой шапочке, – съехидничала я.

– Да нет же, – пропела моя подруга, обливаясь потом. – Помнишь заметку во вчерашней газете? Его там на компьютере воспроизвели без всей этой атрибутики. И получился вполне современный молодой человек.

– Это у его героев были кружева, а у самого Шекспира – просто белый воротничок. Хотя нет, ошибаюсь, на одном из портретов он в кружевах, – уточнила я.

– Не знаю, не знаю, – задумчиво сказала Ленка, – но что-то такое в нём есть.

– Угомонись, – посоветовала я.

– Угу, – грустно вздохнула она, – вот только я не помню, чем статья заканчивалась. Но он мне действительно понравился.

вился!

И на этом первая серия завершилась. Тогда мы благополучно забыли об этом маленьком инциденте.

Послезавтра у Ленки была попытка спихивания очередного зачёта, который ей предстояло сдавать в третий раз.

Помимо того, что у неё была полная идиосинкразия к археологии, преподавательница по прозвищу Эта Женщина Ленку не любила. Да и любить её было не за что. Предмета она не знала, училась плохо, лекции посещала нерегулярно, одевалась вызывающе, один раз была поймана со шпорой, во второй – с «бомбой». Три дня я заставляла её сидеть над учебниками. Но подозреваю, что это мало что ей дало.

Ленка сопротивлялась, как могла. Вот и теперь она вытаскивала меня то ли проветрить, то ли прополоскать мозги в бассейне.

Я могла бы вдолбить в её труднопробиваемую голову эту проклятую археологию, позанимавшись вместе с Ленкой. Но у меня не было на это времени – я готовилась к своей сессии.

Мы дружили с детства. Приехав в столицу из провинциального городка, снимали квартирку в спальном районе. На выходные ездили домой, благо у Ленки была машина, и пара-тройка часов за рулём не представляли для неё труда.

Я сидела над своими формулами и жевала бутерброд, когда раздался телефонный звонок.

– Слушай, сдала! – удивлённо закричала Ленка в трубку. –
Всё расскажу после. Обалдеешь!

Подробности она нарисовала, когда приехала домой.

– Эта Женщина заболела, – радостно сообщила она.

– А сдавала-то кому? – спросила я.

– Она в больнице, – продолжала Ленка, не обращая внимания на мои вопросы.

Общение с моей подругой происходило в довольно интересной форме. Дело в том, что Ленка была очень скрытной особой. Она не любила вопросов, не любила ничего рассказывать, особенно откровенничать, считая, что всё узнается само собой. Само собой оно не очень получалось, и информацию из неё надо было тянуть клещами. Причём вопросы надо было задавать со всей осторожностью и деликатностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.